

Вячеслав Харченко

Из новых стихотворений

Родился в 1971 году в Краснодарском крае, детство и юность провел в г. Петропавловске-Камчатском, закончил МГУ имени М. В. Ломоносова и аспирантуру МГУЛ. Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра. Стихи печатались в журналах «Новая Юность», «Арион», «Знамя» и др.; проза – в журналах «Зинзивер», «Октябрь», «Новый берег», «Дети Ра», «Крещатик», «Волга» и др. Лауреат Волошинского литературного конкурса и премии журнала «Зинзивер». Автор восьми книг прозы. Рассказы переводились на немецкий, английский, китайский и турецкий языки. Живет в Симферополе.

* * *

Мои друзья живут в библиотеках и видят
Как к ним приходят люди
В поисках книг по искусству,
В поисках книг по литературоведению,
Просто выпить чаю или поговорить
О рассказе Бунина «Лёгкое дыхание»,
О Стоунере, о последнем сборнике стихов Ани Аркатовой.
Вчера я зашёл в букинист на Пушкинской,
Где я брал старые журналы Новый мир и Москва
За тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год.
Вместо него зиял помпезный книжный.
Почему-то Саша Барбух любит эти
Помпезные торговые сети
С кофейнями и эстрадами для выступлений,
С отделами открыток, сердечек и Плюшевых игрушек.
Я постоял среди полок, вздохнул
И вышел покурить на улицу.
Сел на лавку, рядом примостился старик,
Мы смотрели на играющих детей.
«У них должны быть свои герои, –
Сказал старик и затянулся сигаретой, –
Нельзя же пятьдесят лет
Смотреть «Ну, погоди!» и «Чебурашку».
И я подумал: «Да, у них должны быть

Свои книжные, свои библиотеки
И свои герои».

* * *

Когда после ковида
Все обернулись, то поняли,
Что полегли все мэтры,
А культура никак не может без мэтров.
Ведь культура вертикальна
И не может обойтись
Без экспертного сообщества.
И вот значит они обернулись,
Рассмотрели пространство
И поняли, что никого не осталось.
И патриарха Х., и патриарши У.
И Иванова и Петрова и Сидоровой.
Все, все полегли на полях сражений
Третьей мировой войны.
А они значит, как и их предки
Вернулись, выжили.
И вот обернулись и поняли, что не осталось мэтров.
Сначала они рыдали и плакали.
Потом причитали и рвали волосы.
А потом, порыдав ещё раз,
Стали выбирать новых мэтров.
Но Господи, что это были за мэтры,
Что это были за мэтры.
Мелкие, плюгавые, кривые, косые,
Безъязыкие и безголосые.
Но культуре нужны мэтры,
Ведь культура вертикальна,
Ведь культура вертикальна.
И вот когда они выбрали новых мэтров,
И новые кривые мэтры
Заполонили газеты, радио, телевидение и ютуб,
То народ немного успокоился.
И новые кривые мэтры успокоились,
И все пошло по-старинке, как встарь,
Словно и не было
Умерших от ковида мэтров.

* * *

Нам нужны высокие голубоглазые
Стройные бородатые поэты.
Они должны хотеть поднять
Страну из руин.
Они должны любить Родину
И способствовать
Возврату нечестно нажитых капиталов
Из офшорной юрисдикции.
Они должны быть веселы
И самоутверждающи.
Они должны верить в светлое завтра
Не быть подверженными
Пьянству, наркотикам и суициду.
И да, церковь, –
Они должны ходить в церковь.
И да, бабосики, –
Они должны любить бабосики.
Вот какие нам нужны поэты,
А не вся эта мягкотелая сволочь.
Они должны входить
Высокие стройные сияющие
На Красную площадь,
И прямо возле мавзолея с трупом
Читать громогласные стихи
О судьбах Родины,
Заводах, тракторах
И счастья бытостроительства.

* * *

И когда спала удушающая жара,
Он вышел в ночи во двор и закурил.
Москва показалась ему испуганной.
Какое-то странное отчаяние висело над столицей.
Впервые ее жители,
Считающие, что достигли всего,
Живущие в вечном празднике
И чувстве собственной исключительности,
Осознали, что мир бретен.

Это как кризис среднего возраста:
Ты жил, жил все понимал,
Имел цели, ясные и простые
И вдруг отчего-то осознал,
Что все может рухнуть от
Шелеста крыльев бабочки.
Что ты одинок гол и беззащитен,
Что все, кто до этого давал надежду,
Не дают надежду.
Что все, кто до этого считались авторитетами,
Авторитетами не являются.
Люди, привыкшие к атомарному разумному существованию,
Не могли рационально объяснить происходящее.
Не слушать же церковников,
Что идет апокалипсис.
И ещё – эта жара, эта удушающая жара.
И вот сейчас, когда температура
Вдруг опустилась до 20 градусов,
И наступило облегчение,
Он вдруг осознал, что верить он не может,
И не верить он не может.
Какой-то грёбаный даосизм.

* * *

Зашел в сеть и вдруг увидел
Знойного цветущего мужественного красавчика
У него были голубые глаза,
волевой подбородок с ямочкой
и холеные наманикюренные пальцы.
Под фотографией было написано:
Поэт-иллюзионист Иванов.
Боже, боже, подумал я,
Зачем тебе стихи,
Тебе же и так даст любая баба.
Ты думаешь – для чего я пишу стихи,
Я – старый, толстый, плешивый.
Мне бабы дают только из жалости,
После того как я им посвящу стишок.
А тебе-то это зачем?

Но поэт-иллюзионист Иванов молчал.
И обворожительно, и снисходительно
Смотрел на меня с экрана
Как удав Ка.

* * *

В выходные друзья мои молчат,
Закутавшись в теплые пледы
И обложившись жирными котами.
Они читают Генриха Бёлля
«Бильярд в половине десятого»
И пьют горячий глинтвейн
Под музыку Прокофьева,
Ромео и Джульетта,
Танец Рыцарей.
И только ты постишь
В Фейсбук всякую ерунду
В надежде получить их одобрение
В виде сердечек и «мы вместе»,
Впадая в метафизическую тоску,
Без сердечек и мы вместе.
Но в понедельник, рано утром,
Когда друзья выходят на работу
Чтобы увеличивать ВВП
Нашей многострадальной Родины,
Вдруг появляются лайки
Под всем тем бредом,
Что ты накрапал в Фейсбук за выходные.
Видимо друзья ещё верят в тебя,
Видимо друзья понимают:
Они что-то недодали тебе в выходные
Иначе зачем им ставить лайки
В будний день.

* * *

А потом я собрал тех, кто остался и сказал:
«Ну раз вы дожили, то вы и пойдете.
Все, все, и больные, и кривые, и косые,

И без ног, и без рук, и безголовые,
И безмозглые, и слабоумные, и лузеры.
Все пойдете, что же делать.
Вот вы и пойдете, раз дожили.
А помните сколько вас было?
Сильные, смелые, честные, мужественные,
Румяные, розовощекие, уверенные, добрые,
Бескомпромиссные, кроткие, бойцы духа,
Верные, цельные и нежные.
Какие подавали надежды!
Ах какие подавали надежды!
Но дожили лишь убогие и увечные.
Слабые духом и немощные телом.
Вот вы и пойдете, – говорю, –
Вы и пойдете».

* * *

Когда-нибудь я заброшу работу или выйду на пенсию
И стану делать курительные трубки ручной работы.
Герман Власов говорит, что курительные трубки
лучше всего делать из яблони.

Не знаю.

Это сколько надо срубить яблонь.

Что я Лопехин, чтобы рубить яблони.

Хотя Лопехин рубил вишни, хотя, впрочем, это неважно.

Я буду сидеть под виноградом во дворе Южного города,
Старый, обрюзгший, плешивый и аккуратно вытачивать

напильником

Курительные трубки.

Они будут, гладкие, блестящие, отполированные.

Они будут уходить на ура коллекционерам Лондона и Портленда,

Потому что коллекционеры Лондона и Нью-Дели

Очень любят курительные трубки из русских яблонь.

То есть, я буду нести зло,

Потому что табак – это зло, и, значит, курительная трубка –
Это тоже зло.

Странно, я всю жизнь хотел нести добро.

А тут, получается, какая-то ерунда.

Какая-то странная чудовищна ерунда.

Видимо, как ни старайся, как ни стремись,
Но если ты уже вкусил от древа познания,
То единственное, на что можешь рассчитывать, —
Это сон.

* * *

Эх если б я ругал либералов
И хвалил патриотов,
Или ругал патриотов
И хвалил либералов,
У меня бы была совсем другая жизнь.
Чистая, ясная, понятная.
Полная радости и вдохновения.
Мне бы выдали лавровый венок
(неважно кто).
Меня бы любили девушки
(неважно какие).
Я бы уже давно восседал в президиумах,
Вел литературные семинары,
Ездил на международные
Или российские конференции,
Пил Асти или Абрау-Дюрсо,
У меня бы водились деньги
(о эти деньги!),
У меня бы был костюм,
Хороший, добротный костюм,
И, вместо подзаборного кота Феника,
Я бы разгуливал по побережью
С розовым лабрадором.

* * *

Молодой человек на Тойоте
Привез мне 12 томов Чехова.
Всего сто рублей за каждый том.
Стояла удушающая жара,
Молодой человек ехал в Николаевку на море
Со своей девушкой.
Она сидела в купальнике на переднем сиденье.

Молодому человеку немного не хватало на бензин.
Он так и сказал: «Мне не хватает на бензин».
Он передавал мне из багажника том за томом,
А потом вдруг остановился, задумался,
Открыл один том посередине.
Весь лист был испещрѐн пометками.
Молодой человек вздохнул и сказал,
Что его дед любил Чехова,
Что дед долго охотился за этим изданием
И, в конце концов, взял его по подписке,
Доплатив сверху сто рублей
В качестве благодарности.
Антон Павлович Чехов
Всю жизнь рылся в мусорных кучах
В надежде отыскать бриллиант.
От этого его реализм больше похож на сон.
И дядя Ваня, и Чайка, и Вишневый сад
Даже дама с собачкой.
Это просто сон.
Чехов – предтеча магического реализма.
Все сидят в креслах, зевают, не слушают друг друга.
И спят, и спят, и спят.
Чехову в принципе повезло.
Он умер в тысяча девятьсот четвертом году
И поэтому остался счастливым человеком.
«Может еще шахматы возьмете», –
Вдруг сказал мне молодой человек
И протянул шахматы:
– Не хватает всего одной пешки.
Я открыл шахматную доску,
Расставил фигурки на доске,
Но почему-то произнес: «Нет», –
И покачал головой.
«Жаль», – сказал молодой человек
И тоже покачал головой.
«Вадим, мы едем», –
Закапризничала его девушка с переднего сиденья,
И Вадим, взяв у меня 1200 рублей,
Сел за руль, включил кондиционер
И поехал к морю в Николаевку.

* * *

Я знаю,
Когда-нибудь вы будете искать
Всю белиберду, что я написал.
Знаю, знаю.
Но я обязательно посмеюсь над вами.
Размещу рассказы на самых графоманских сайтах:
Стихиру, прозару, говнострадалецру.
Напечатаюсь в самых дурацких альманахах:
Родничок, Свиристель, Мостостроитель
Городов Урюпинск, Алапаевск и Усть Бугульма.
Напечатаю по три, четыре раза одно и то же,
Перепутаю сюжеты,
Займусь самоцитированием,
Поставлю посвящения,
Сниму посвящения.
И да, толстые журналы, и книги, и репринт.
А еще есть заграница.
Заграница нам поможет.
Я знаю, знаю.

* * *

Вот оно медленно идет по электронной почте.
Медленно, медленно идет по электронной почте.
Ведь по электронной почте всё идет медленно.
Всё идет медленно по электронной почте.
Пока письмо упадет на сервер,
Пока его перепечатает секретарша,
Пока направит цензору,
Пока его перечитает цензор, пока зевнет,
Нальет чаю, поставит печать Одобрено,
Пока сетевики засунут его в кабель,
Пока попьют кофе с баранками, –
И вот оно медленно идет по кабелям,
Медленно, медленно идет по вайфаю
Месяц, два, три, месяц, два, три.
Молчит адресат. Нет ответа.